

УДК 9(47)«XVIII–XX»

Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в.

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В политическом отношении Российская империя к началу XIX в. являлась конгломератом множества регионов – как внутренних, так и окраинных. Выработывая основы окраинной политики по отношению к конкретной территории, правительство руководствовалось значением региона для государства, которое определяло его в составе империи. В случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать это в законодательном порядке. Это выражалось в разных степенях распространения на присоединенных территориях общеимперского законодательства: от сочетания общеимперского, местного законодательства и традиционного права (с преобладанием последнего) до полного перехода на унифицированную систему общеимперского законодательства. Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой унификации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий – с другой порождала непоследовательность и противоречивость этой политики. Тем не менее на протяжении XIX – начала XX в. окраинная политика была отражением основных целей и задач, стоявших перед имперским правительством.

Ключевые слова: Россия, империя, окраины, Сибирь, Кавказ, Польша, политика.

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию. За триста лет существования романовской империи ее территория увеличилась с 14,1 в 1649 г. до 21,8 млн кв. км в 1914 г., т. е. в 1,55 раза. За это же время численность населения возросла с 6,7 до 178,4 млн чел. Все европейские страны существенно отставали от России. К середине XVIII в. доля населения России в Европе составляла примерно 18 %, к началу XIX в. она достигла 22, к середине XIX в. 27, к началу XX в. 32 %. Россия стала самым населенным государством Европы. Каждый третий житель Европы был подданным российского монарха. Народы России принадлежали к различным языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались вероисповеданием и психологией. В начале XX в. в состав романовской империи входило около 200 больших и малых народов. На первом месте по численности находились русские – в 1915 г. примерно 44,6 %, далее следовали украинцы – 18,1 %, затем поля-

ки – 4,2 %, евреи и белорусы – 4 %. Как видим, в отличие от середины XVII в., когда русские составляли 95 % населения государства, в романовской империи к началу XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве. Национальный вопрос был отнюдь не простым для российского правительства. Россию периодически сотрясали мощные национальные конфликты. С учетом того обстоятельства, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и сопредельных с иностранными государствами территориях империи, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности Российского государства.

Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, характеризовались не только многообразием климата и ландшафта, но и разным уровнем хозяйственного освоения. Территории Российской империи существенно отличались между собой по уровню экономического развития. Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере их вхождения в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи. Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Процесс содержательного насыщения понятий «центр», «периферия», «окраина» неразрывно связан с периодом формирования единого Российского государства второй половины XV – начала XVI в., когда под окраиной стали пониматься земли, не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в украинные города Севск, Курск и др.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему введения его в общую правовую и административную систему [8, с. 131]. Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой регламентации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики на протяжении всего периода существования романовской империи. Особенно это стало заметно в XIX в.,

когда во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи. Первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединённых территориях стало сохранение существующего порядка землепользования, верования и культуры в целом. В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Эта особенность прослеживается в решениях 1-го и 2-го Сибирских комитетов, иных властных органов конца XIX в. Аналогичные тенденции в правительственной политике можно отметить и на примере Калмыкии, Казахстана, где с самого начала установления официальных отношений с Россией важным принципом окраинной политики стало широкое сотрудничество, а в правительственном курсе прослеживаются «федеративные принципы» [12, с. 15–19]. Следующим важным принципом окраинной политики стало сотрудничество имперской администрации с местными элитами. Эта тенденция отчетливо проявляется не только на примере анализа соответствующих разделов «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского 1822 г., но и на материалах польской конституции 1815 г., в политике на Кавказе, развившейся в приравнивании грузинского дворянства к русскому, на левобережной Украине.

Но если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями. Присоединением Финляндии Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать мир на северо-западе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботаническим заливом, как рвом, от любых попыток нападения со стороны Швеции; во-вторых, гарантировать безопасность своей северной столицы, отодвинув от нее как можно дальше государственную границу. Обе указанные задачи носили исключительно оборонительный характер и полностью решались присоединением Финляндии. Заметим, что в исследуемый период времени царское правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений. Присоединение Финляндии, по мнению современников этого события, являлось одним из

«драгоценнейших приобретений» императора Александра I. Таким образом, Финляндия официально рассматривалась как территория, основное назначение которой – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное положение, причем не только по сравнению с другими национальными окраинами России, но и в первую очередь по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское правительство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане: ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. На Венском конгрессе 3 мая 1815 г. фактически произошел новый, четвертый раздел Польши. В результате Россия, удерживая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Захватив большую часть Польши, Александр I и его преемники сделали фактически вершителями судеб польского народа вплоть до начала XX в. [7, с. 102]. В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них» [14]. В конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: Министерство иностранных дел и консулов. При этом трактаты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось [15, с. 26].

Польское восстание 1830–1831 гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен 26 февраля 1832 г. явился в свет «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России, упразднились сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. По сути, это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при разработке региональной политики в Сибири. Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственных кругах интереса к этой

восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственного развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого, понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи. Эта политика, получившая в последнее время название политики имперского регионализма, способствовала устойчивости империи.

Во второй половине XIX в. правительственная политика в отношении окраин империи формировалась и развивалась как составная часть внутренней политики самодержавия в целом. По сути, она была производной от внутриполитических и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительственных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от абсолютной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства, польская автономия являла пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию [2, с. 230].

Эпоха контрреформ начала 80-х гг. XIX в. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике известного американского русиста Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации [14, с. 225]. Одним из направлений внутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX в. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административ-

ном, но и в культурном, а значит, языковом смысле [8, с. 133]. Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими. В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

Список литературы

1. *Дамешек И. Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Оттиск, 2002. – 208 с.
2. *Дамешек И. Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. унт-та, 2005. – 264 с.
3. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек [и др.]. – М. : Нов. лит. обозрение, 2007. – 368 с.
4. *Дамешек Л. М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 320 с. – (Сер. Азиатская Россия.)
5. *Дамешек И. Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2009. – 390 с. – (Сер. Азиатская Россия.)
6. *Дамешек Л. М.* Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 341 с.
7. *Друнин В. П.* Польша, Россия и СССР / В. П. Друнин. – Л. : [б. и.], 1928. – 220 с.
8. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопр. ист. – 1995. – № 9. – С. 130–142.
9. *Ивановский В. В.* Русское государственное право / В. В. Ивановский. – Казань : Литотип. Император. ун-та, 1890. – Т. 1, вып. 3. – 293 с.
10. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. / под ред. В. В. Черкесова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – Т. 1. – 285 с.; СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – Т. 2. – 330 с.
11. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – Т. 11. – 425 с.
12. *Максимов К. Н.* Калмыкия – субъект Российской Федерации / К. Н. Максимов. – М. : Республика, 1995. – 320 с.
13. *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 425 с.
14. *Раев М.* Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи) / М. Раев. – Лондон : Зарубеж. публикации, 1990. – 225 с.
15. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. – СПб. : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1900. – 394 с.
16. *Студницкий В.* Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней / В. Студницкий. – СПб. : [б. и.], 1907. – 199 с.

Marginal Policy as a Factor of Sustainability of the Russian Empire in the XVIIIth – the Early XXth Century

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In a political sense, at the beginning of the XIXth century the Russian Empire was a conglomeration of many regions, both internal and peripheral. Developing the basis of marginal policy in relation to a particular territory, the government was guided by the significance of the region for the Empire. Once the territory recognized its special status, the government was forced to commit it legislatively. It induced different levels of circulation of general imperial legislation in the annexed territories: from a combination of imperial and local legislation with the predominance of the traditional law to a unified system of imperial legislation.

The constant struggle in the government between the supporters of the rigorous unification of the administration in the marginal territories on the one hand and the adherents of the idea of their special status on the other caused inconsistency of this policy. Nevertheless, during the XIXth – the early XXth century the marginal policy reflected main goals and tasks of the imperial government.

Keywords: Russia, Empire, marginal territories, Siberia, Caucasus, Poland, policy.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952) 24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Head, Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952) 24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Дамешек Ирина Львовна

*доктор исторических наук, профессор,
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
664009, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952) 24-07-00
e-mail: dameshek@rambler.ru*

Dameshek Irina Lvovna

*Doctor of Sciences (History), Professor
Pedagogical Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx, Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952) 24-07-00
e-mail: dameshek@rambler.ru*